

вековой славянской литературе. Если Бек отмечает наличие славянских и румынской версии «Физиолога» (стр. 34)⁶, то о славянской «Александрии» не идет речь ни здесь, ни в III разделе, где рассматриваются собственно византийские романы об Александре — поэтический и прозаический (стр. 133—135). Как известно, А. И. Соболевский даже высказывал мысль, что роман об Александре сложился у южных славян и затем был переведен на греческий, с чем полемизировал В. М. Истрия⁷.

Авторство «Повести о Варлааме и Иоасафе» было в последнее время предметом острых дискуссий. Ряд исследователей считал греческого Варлаама переведенным в XI в. с грузинского⁸. Бек решительно выступает против этой точки зрения, полагая, что создателем византийской повести был Иоанн Дамаскин (стр. 35—41).

Далее рассматриваются две правоучительные версии восточного происхождения, перевод которых на греческий относится к царствованию Алексея I (1081—1118): «Стефанит и Ихнилат», переведенный и на славянский язык, и «Книга Синтипы, философа», т. е. Синдбада, проникающая к славянским народам, согласно Беку, не из Византии, а через западноевропейские переработки (стр. 45—48).

Датировка византийских эпических песен (стр. 48—63) значительно более сложна. Они сохранились лишь в поздних рукописях либо же в новогреческой традиции, и соотнесение их с конкретными фактами византийской истории затруднительно. Бек проявляет в этом вопросе необходимую осторожность и отводит многие смелые идентификации А. Грегуара: так, он считает попытку Грегуара связать «Песнь об Армуре» с падением византийской крепости Аморий в 838 г. проблематичной (стр. 56); он напоминает далее, что цикл песен, посвященный сыну Андроника, известен не ранее XVII в. и крайне смутно отражает историческую реальность (стр. 59 и сл.). Но если это все так, в какой мере основательно помещать эпические песни в I разделе, раньше главы о «Дигенисе Акрите»?

Подробная глава о «Дигенисе» (стр. 63—97) — одна из лучших частей рецензируемой книги⁹. Бек четко выделяет два составных элемента поэмы: «песнь» об эмире и «роман» о Дигенисе. Оба эти произведения связаны лишь внешней канвой (Дигенис — сын эмира Мусура), по существу же они разнородны. «Роман» изобилует морализирующими намеками, от которых «песнь» свободна; «роману» присуща экфразы, тогда как автор «песни» сдержан в описании одежды и оружия своих героев (стр. 79). Наконец, если «песнь» отражает многие конкретные черты исторической действительности, сложившейся на евфратской границе в IX—X вв. (стр. 75), то «роман» лишен исторического фундамента и его герой, Дигенис, не является отображением исторического персонажа (стр. 85), хотя, разумеется, кое-какие намеки на реальных лиц могут быть усмотрены и в «романе». В соответствии с этим Бек допускает, что «повесть» об эмире в первоначальном виде создавалась незадолго до 944 г. (стр. 78), а «роман» о Дигенисе не содержит датирующего материала (стр. 87); возможно, что он сложился в XI—XII вв. (стр. 96).

Что касается дискуссионного вопроса о социальной природе поэмы¹⁰, то Бек находит в ней отражение умонастроения, свойственного «могущественным семьям восточных районов империи» (стр. 93).

С XII в., полагает Бек, ведет начало византийская народная литература, которую отличает либо автобиографичность, либо критическая направленность и которая является собой «типичный продукт» деятельности городского общества (Бек выражается даже точнее: общества больших городов), начинающего выражать себя (стр. 101). Сюда он относит так называемые птохопродромовские стихотворения (стр. 101—105), «Спанаеа» (стр. 105—108) и «Тюремные стихи» Михаила Глики (стр. 105—109). Атрибуция двух первых памятников спорна. Бек допускает, что автором птохопродромовских стихотворений мог быть Феодор Продром и в таком случае их сюжеты не автобиографичны, однако более вероятным кажется ему предположение, что стихи принадлежат подражателю или нескольким подражателям Продрома (стр. 104). Мне, напротив, этот тезис не представляется убедительным: в самом деле, о каком подражании или

⁶ Помимо указанной Беким литературы о славянском «Физиологе», см. *M. D. Grmek. Les sciences dans les manuscrits slaves orientaux du Moyen Age. Paris., 1959, p. 28—30.*

⁷ См. об этом: *Я. С. Лурье. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. — В кн.: «Александрия». М.—Л., 1965, стр. 148 и сл. Там и литература о славянской «Александрии». См. еще: *Р. Маринкович. Српска Александрида. Историја основног текста. Београд, 1969 г.**

⁸ Помимо указанной Беким литературы, см. *Ш. И. Нуцубидзе. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». — ВВ, XVII, 1960. Возможна ли заимствование греческого текста из грузинского по лексическим соображениям отвергает эстонский филолог У. Масинг (*U. Masing. Zur Erklärung der Entstehungsgeschichte der Legende von Barlaam und Joasaph. — «Груды по востоковедению», I. Тарту, 1968).**

⁹ Одновременно с книгой Бека вышло новое издание «Дигениса» — синопитическое: *E. Trapp. Digenes Akrites. Wien, 1971.*

¹⁰ См. обзор литературы: *Г. М. Бартикан. Византийский эпос о Дигенисе Акрите и его значение для арменоведения. Ереван, 1970, стр. 17—21.* К сожалению, Бек не останавливается на этой дискуссии и не выражает своего отношения к высказанным в ходе спора точкам зрения.